

— Вам это Чжэн Чжупань сказал? Или Чжоу Хун? — спокойно спросил Ли Жун, дослушав её до конца.

Чжай Нин замерла, а затем подняла на него непонимающий взгляд. Атмосфера в тесном кабинете вновь накалилась.

Почти все присутствующие были готовы принять версию директора Чжай. Её слова звучали логично, и было очевидно, что она не лжёт — по крайней мере, в том, что касалось её собственных чувств.

Ли Жун едва заметно улыбнулся.

— Если бы я был на месте президента Чжэна и хотел перетянуть на свою сторону человека с остатками совести, способного к состраданию, чтобы тот работал на меня и держал язык за зубами, я бы первым делом постарался избавить её от чувства вины. Даже если по факту вы оказались в лагере палачей, вам внушили, будто всё это — лишь цепь досадных случайностей, недоразумений и фатальных совпадений. Когда вина разделена между многими, груз на сердце каждого становится достаточно лёгким, чтобы с ним можно было жить.

Чжай Нин открыла рот, собираясь возразить, но вдруг осознала, что не находит изъянов в его словах.

Цзян Сюньвэй нахмурился, уловив суть.

— Ты хочешь сказать, что Чжэн Чжупань обманул директора Чжай?

Ли Жун лишь перевёл взгляд на женщину.

— Зная репутацию и характер этого человека, как вы думаете — способен ли он на такую ложь?

Собеседница опустила глаза и замолчала. Она и сама знала: президент Чжэн — человек без принципов. Если он решился на подмену лекарств и использовал общественное мнение, чтобы довести Ли Цинли и Гу Нун до гибели, то какая-то мелкая ложь ради её молчания точно не заставила бы его колебаться.

Ли Жун коснулся чайника — тот уже почти остыл, хотя воды внутри было ещё много. Его пальцы скользнули по едва различимому, затёртому иероглифу «жэнь» — «человеколюбие» — на боку сосуда. Он тихо вздохнул.

— У нас уже есть доказательства того, что он, выпуская некачественный «Цзякэтин», даже не задумывался о безопасности пациентов. И кроме того... — юноша сделал паузу и с интересом посмотрел на Чжай Нин. — Неужели вы и впрямь верите, будто Чжоу Хун и его сообщник не

знали о ваших делах в «Сяочэнсян»? Вы сами говорили: сын Суй Ваньцзюнь ненавидит этот приют за то, что тот разрушил его семью. Он до сих пор не признал её мать. С чего бы ему заботиться о жизнях сирот, которые когда-то отняли её у него? Или вы не думали о том, что он ненавидит вас, ту, что заменила его матери, гораздо сильнее, чем этих детей? Нет лучшего способа отомстить человеку, считающему себя праведником, чем затащить его за собой в ад. И не нужно говорить, что у него есть мачеха и ему не нужна любовь Суй Ваньцзюнь. Никто не откажется от того, кто готов ради него на всё. Вы правда думали, что он закроет глаза на вашу близость с его матерью?

Чжай Нин робко взглянула на Суй Ваньцзюнь, но, встретившись с ней глазами, тут же виновато отвернулась. Слова Ли Жуна, точно острые стрелы, пронзили её насквозь, обнажая правду, которую она так тщательно прикрывала красивыми оправданиями.

Когда у человека есть цель, на которую он надеется, он склонен бесконечно оправдывать средства, закрывать глаза на очевидное и даже подменять реальность фантазиями, лишь бы путь к этой цели казался достойным. Но правда в том, что ничья душа не выдержит честного досмотра.

Если Чжоу Хун должен был ненавидеть её за место подле Суй Ваньцзюнь, то разве она сама никогда не чувствовала к нему неприязни? Этот человек никогда не заботился о матери, он пренебрегал ею при каждом удобном случае, разыгрывал спектакль сыновней любви перед мачехой — и при этом смел пользоваться помощью и заботой?

Неужели только из-за кровного родства ему должно было доставаться всё лучшее? Почему он мог безнаказанно растрчивать чужую любовь?

Если бы не Суй Ваньцзюнь, Чжай Нин никогда бы не стала продвигать его на должность заведующего. Вопреки всем правилам больницы, согласно которым место должен был занять более опытный врач, она разработала целую схему с голосованием, чтобы протащить его.

Как же она позволила себе оказаться в одной лодке с этим корыстным, бессовестным человеком? Как помогала им скрывать истину, становясь соучастницей травли порядочных людей?

В душе Чжай Нин закипел гнев, который было невозможно унять. Конечно, Чжоу Хун помогал Чжэн Чжупаню лгать ей, потому что презирал её. А беспринципный делец наверняка втайне посмеивался над ней, глядя, как она, точно дура, превращается в послушное орудие для уничтожения четы Ли.

Весь этот груз вины тащила на себе она одна. Её подельники наверняка не мучились угрызениями совести ни минуты. При воспоминании о том, как они разыгрывали перед ней испуг и раскаяние, женщину едва не стошнило.

Она никогда не была с ними заодно. Чжэн Чжупань шантажировал её этой тайной, и Чжоу Хун, без сомнения, знал об этом. Рано или поздно им всё равно пришлось бы сбросить маски. Миф о

семейной гармонии и взаимовыручке рассыпался в прах. Суй Ваньцзюнь придётся выбирать между родным сыном и приёмной дочерью.

«Мама выберет меня. Как и тогда, много лет назад»

Суй Ваньцзюнь, не подозревая о буре в душе дочери, лишь крепче прижимала её к себе. Слезы старушки не высохали, она лишь повторяла в беспамятстве:

— Как же так... ну как же так...

Ли Жун налил Чжай Нин чашку остывшего чая. Его лицо оставалось бесстрастным, но взгляд был твёрд и полон уверенности.

— Они использовали вашу преданность матери, вашу жалость к больным сиротам и даже ваше доброе имя, чтобы прикрыть своё преступление.

Чжай Нин оцепенело протянула руку и приняла чашку. Она случайно коснулась пальцев юноши. Его рука была прохладной, но кожа — мягкой. Это была красивая, бледная рука с аккуратно подстриженными ногтями.

Тот факт, что её коснулась рука жертвы, вызвал в женщине странную смесь благодарности и искупления. Но вслед за этим пришла всепоглощающая, жгучая вина. И эта вина, не находя иного выхода, закономерно превратилась в ледяную ненависть к Чжэн Чжупаню и Чжоу Хуну. Она и не знала, что способна так сильно ненавидеть — до желания увидеть их мёртвыми.

— У меня есть записи разговоров с ними обоими, — негромко произнесла Чжай Нин. — Я сохранила их. Там они признают, что подменили лекарства.

Ли Жун убрал руку, выпрямился и обменялся взглядом с Цэнь Сяо. Тот крепко сжал его ладонь.

Когда они закончили копировать все аудиозаписи и фотографии из дома Чжай Нин, на часах было уже девять вечера. Ли Жун и Цэнь Сяо вместе со своими людьми ушли, оставив Суй Ваньцзюнь и Хун Жу в квартире директора. Чжай Нин и её матери предстояло долго переваривать случившееся, но то, насколько болезненным будет этот процесс, Ли Жуна уже не касалось.

Отвезя Цзян Сюньвэя домой, Ли Жун с глубоким почтением поблагодарил его. Старик лишь отмахнулся:

— Я просто сделал то, что должен был.

Как только Цзян Сюньвэй скрылся в подъезде и в машине остались только свои, Ли Жун наконец позволил себе расслабиться. Он в изнеможении откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, растирая веки. С самой среды он жил в состоянии предельного напряжения. Даже молодой организм не мог долго выдерживать такую нагрузку. Он смертельно устал — и физически, и морально.

Цзянь Фу, напротив, всё ещё был возбуждён и то и дело возвращался к событиям вечера.

— Слушай, а как ты понял, что они обманывали её? У вас были какие-то улики, о которых вы мне не сказали?

Ли Жун приоткрыл воспалённые глаза, зевнул и устало ответил:

— Я не знал этого наверняка.

— Чего?! — Цзянь Фу в изумлении обернулся к нему.

Ли Жун посмотрел на него из-под полуприкрытых век. От переутомления его глаза немного припухли, а складка на веках стала глубже.

— Я просто предложил Чжай Нин иную логическую модель. Ту, которую она была готова принять и которая была выгодна нам.

Цэнь Сяо, перехватив нить разговора, пояснил:

— К тому же наша версия гораздо больше соответствует истинному нутру этих людей. Директор Чжай никогда не была им ровней. То, что она раньше шла с ними одной дорогой, было лишь попыткой сбежать от реальности.

Цзянь Фу осенило.

— То есть тогда, когда умерли те двадцать детей и её защита была сломлена, Чжэн Чжупань подсунул ей оправдание, которое помогло ей не сойти с ума от вины. А ты заставил Шэнь Гуй разыграть перед ней спектакль, чтобы надавить на совесть и показать другие последствия её молчания... А потом мы нанесли решающий удар, заставив её капитулировать при виде Суй Ваньцзюнь!

Ли Жун почувствовал, как от усталости на глазах выступают слёзы. Он моргнул, смахивая влагу с ресниц, и негромко произнёс:

— На самом деле мне тоже не нравится Чжай Нин.

Человек, который из трусости и слабости не может взять на себя ответственность и боится потерять репутацию, не заслуживает прощения жертвы. Мёртвых не вернуть, а зло уже совершено. В его глазах любые оправдания выглядели жалкими и фальшивыми.

Но чтобы заставить её сотрудничать, ему пришлось на время спрятать свою неприязнь. Это был необходимый компромисс — у него просто не было права на капризы.

Цэнь Сяо спокойно добавил:

— Безусловно. Эта история сорвала маски со всех причастных. Чистых здесь нет, так что нам не стоит терзаться из-за того, что пришлось причинить кому-то боль.

Весь план был выверен до мелочей. Они не могли дать женщине времени на раздумья или передышку, иначе, при её нерешительности, она никогда бы не выдала улики так быстро. К счастью, всё прошло гладко. Участие Цзян Сюньвэй стало ключевым фактором: именно благодаря его авторитету Суй Ваньцзюнь и её дочь так скоро пошли навстречу.

До того как Ли Жун узнал о профессоре Цзяне, у него не было идеального решения. Даже от такого человека, сохранившего крупинку совести, добиться признания вины было невероятно сложно. Малейшая ошибка — и она могла бы испугаться и выдать их Чжэн Чжупаню.

Поэтому, даже подталкивая её к предательству сообщников, Ли Жун не рискнул показать ей доказательства, полученные от Хэ Даюна. Вся его уверенность была лишь игрой, и, к счастью, Чжай Нин была слишком потрясена, чтобы требовать подтверждений.

Цзян Сюньвэй стал для них настоящим подарком судьбы. Стоило Ли Жуну понять, кто он такой, как в голове тут же сложились очертания этого плана.

Цэнь Сяо сжал руку юноши и вдруг спросил:

— Помнишь, когда мы ехали в промышленную зону и увидели того водителя на грузовике с дурианами, который попал в аварию?

Цзянь Фу, не знавший этой истории, тут же полюбопытствовал:

— Что ещё за водитель с дурианами?

Ли Жун немного подумал, перестал тереть глаза и кивнул. Тот случай на дороге по пути к дому бабушки врезался ему в память — особенно палящее солнце и невыносимый запах фруктов.

— Помнишь, я говорил, — негромко произнёс Цэнь Сяо, — что ты тоже встретишь того, кто первым протянет тебе руку помощи.

С этими словами он переплёл свои пальцы с пальцами Ли Жуна.

— Чего? — лицо Цзянь Фу выражало полное замешательство, но друг не спешил с объяснениями.

Ли Жун тепло улыбнулся и на мгновение отвернулся к окну, глядя на проносящиеся мимо огни ночного города. Он понял, что Цэнь Сяо имел в виду Цзян Сюньвэя — того, кто первым из чувства справедливости бескорыстно помог им.

Однако через пару секунд Ли Жун снова повернулся к нему, подался вперёд и запечатлел на губах Цэнь Сяо долгий, нежный поцелуй.

— В моём сердце, — прошептал он, — первым всегда был ты.

— Твою ж... — Цзянь Фу от неожиданности выронил стакан с йогуртом.

<http://bllate.org/book/15351/1569714>